

МАТЧ АНТИМИРОВ

рассказ

*Знаменитый шахматист является артистом,
ученым, инженером и, наконец,
командующим и победителем.*

Ежи Гижицкий. С шахматами через века и страны

— Хотели бы вы сыграть партию с Полом Морфи? — спросил я нашего прославленного гроссмейстера. Он удивленно посмотрел на меня:

— Посылать ходы на сто с лишним лет назад и получать ответы из прошлого? Бред!

— А если серьезно?

— Машина времени? Знаю я вас, фантастов! Четырехмерный континуум "пространство-время"... Это понятие ввел Минковский для математического оформления теории Эйнштейна. Но ведь время-то там на поверку оказывалось величиной мнимой. Знаем!

— И все же... Сыграть с самим Морфи? Рискнули бы? — искушал я. Гроссмейстер был задет за живое.

— О каком риске может идти речь? Теоретически я готов, но...

И я рассказал тогда гроссмейстеру, как в день, когда к нам в Центральный Дом литераторов приехал известный польский фантаст Станислав Лем, там была встреча с телепатами. Думая доставить польскому гостю удовольствие, я пригласил его послушать "парапсихологов". Ведь фантаста должно интересовать все, что не укладывается в рамки известного.

Станислав Лем прекрасно говорит по-русски и даже охотно поет наши песни, в чем я убедился, отвозя его вечером после встречи. Так что ему не представляло труда слушать докладчика. Я украдкой поглядывал на Лема и видел, как тот саркастически улыбался или хмурился, когда докладчик, оперируя очень умными научными терминами, вспоминая даже о нейтринно, доказывал, что есть полная возможность проникать телепатическим чувством сквозь любые преграды. И, оказывается, не только

через тысячи километров, но и во времени - в прошлое и... в будущее. Здесь мы с Лемом многозначительно переглянулись.

Но парапсихолог нимало не был смущен нашим скептицизмом, который по всем законам телепатии должен был ощутить. Он говорил о модных гипотезах существования антими́ров. Его надо было понимать в том смысле, что наш осязаемый мир соседствует в каком-то высшем измерении с другими мирами, представляющими собой тот же наш мир, но смещенный во времени. Образно это можно было вообразить себе в виде колоды карт, где каждая карта отражала бы наш трехмерный мир в какой-то момент времени. Вся же колода якобы сдвинута так, что карты, лежащие сверху, находятся уже в завтрашнем дне и дальше, а карта покоящаяся в колоде под нашей, "сиюминутной", - это прожитый нами вчерашний день. И таких "слоев времени" несчетное множество. Ясновидение же и прочие виды гадания, столь распространенные в прошлом, а за рубежом и сейчас, это якобы не что иное, как способность проникать "высшим взором" из нашей карты в соседнюю.

После доклада мы с Лемом вдоволь посмеялись над "научным обоснованием" хиромантии.

Лем, человек невысокого роста, подвижный, умный, острый на язык, веселый, улыбаясь, сказал, что на этом докладе не хватало еще одного фантаста - Герберта Уэллса. Ему, придумавшему "машину времени", но не придавшему ей никакого реального значения, любопытно было бы услышать, будто перемещение во времени возможно в любую сторону...

— Если проколоть иглой колоду карт, — подсказал я.

— Вот именно! — подхватил Лем и добавил. — Впрочем, оракулы, кудесники, предсказатели существовали и раньше Уэллса.

— А цыганки и сейчас раскидывают карты, — напомнил я.

— "Ой, сердэнко, позолоти ручку. Будут тебе через трефового короля бубновые хлопоты, а через червонную даму дальняя дорога и казенный дом, то есть туз пик", — смеясь сказал Лем. — А ведь гадальная колода карт нечто знаменательное, не правда ли? В ней - образ антими́ров, смещенных во времени.

Об этом разговоре с маститым фантастом несколько лет спустя я рассказал профессору Михаилу Михайловичу Поддьякову, доктору технических наук и заслуженному деятелю науки и техники, когда мы с ним ехали в один из подмосковных физических центров. Ученый широких взглядов, он живо интересовался всем, что отходило от общепринятых догм. Сам он был классиком горного дела, но завершал фундаментальный труд о строении атома, что могло бы служить второй его докторской диссертацией на этот раз в области физико-математических наук. Шутя он говорил о себе, что его чтут за горное дело, а он чтит "игорное". Профессор Поддьяков имел в виду шахматы, сблизившие нас с ним, помимо физики. Мы оба были действительными членами секции физики Московского общества испытателей природы и гордились членством в нем Сеченова, Менделеева, Пастера и Фарадея.

Михаил Михайлович обладал редкой способностью математического анализа. С присущим ему юмором он рассказывал, как стал учителем "математических танцев". Удивленный, я переспросил. Он объяснил, что в тридцатые годы проходил курс западных танцев, вернее серию курсов, поскольку оказался на редкость неспособным учеником. Однако будучи незаурядным математиком и шахматистом, не привыкшим сдаваться в сложных положениях, он решил провести математический анализ всех танцевальных па, которые ему не давались. Составил уравнения и блестяще решил их. После этого дело пошло. Он уже не наступал "медвежьими лапами" на туфельки своих партнерш и даже сам стал учить танцевать других и брал призы на бальных конкурсах.

— Неужели шахматы помогли? — изумился я.

— Научили всегда искать выход, — подтвердил профессор. — И математика, конечно. Кстати, о Станиславе Леме, телепатии и цыганках, — неожиданно перевел разговор Михаил Михайлович. — Конечно, закон причинности в природе нельзя нарушить. Следствие не произойдет раньше причины, яйцо не появится прежде курицы, вылупившейся из него цыпленком. Физическое тело не может переместиться в воображаемой колоде трехмерных карт, смещенных во времени, но...

— Что но? — насторожился я.

— Передача нематериального сигнала как будто не противоречит закону причинности.

— Сигнала? — обрадовался я.

— Что вы имеете в виду? — испытующе спросил Михаил Михайлович.

— Обмен сигналами, скажем, С прошлым.

— Хотите рассказать предкам, что их ждет?

— Нет. Беседу на равных. Сыграть шахматную партию... ну с Морфи...

— Если бы вы не были фантастом, я бы возмутился, — улыбнулся профессор Поддьяков.

— Но почему? Вы ведь всегда против догм. Я не знаю, можно ли передать сигнал во времени с помощью физических машин или аппаратов. А что если попытаться сделать это с помощью ясновидцев, этих чудодеев нашего века. Они якобы видят на расстоянии и даже содержание несгораемых шкафов. О них писали и в прошлом. Может быть, кто-нибудь из них в состоянии установить контакт с подобным же медиумом девятнадцатого века и через него связаться с Полем Морфи!

— Морфи бросил играть в шахматы, — слабо сопротивлялся профессор.

— Это будет тайная партия. Вроде как бы оккультная.

— Оккультизм меня не интересует, но научные эксперименты, даже самые экстравагантные, привлекают, — признался Михаил Михайлович.
— Только ради этого я помогу вам организовать "матч антимиров". Хорошо звучит? Однако отрицательный результат эксперимента несомненно будет позитивным вкладом в науку, для которой требуются однозначные решения.

— В науку? В шахматную во всяком случае, — заверил я.

— Хорошо. После нашего с вами знакомства с самой могучей на земле физической машиной под Москвой я дам вам окончательный ответ. Может быть, на международной конференции, на которую я уезжаю за рубеж, удастся кого-нибудь заинтересовать.

Мы осматривали исполинские залы синхрофазотрона-гиганта, а я все думал об ясновидящих. Все ли они шарлатаны? Есть ли явления, пока непонятые людьми, но которыми они пользуются веками?

Основная дорожка ускорителя элементарных частиц могла бы служить не только для их разгона, но и для скаковых испытаний лошадей. Однако в какой связи может быть эта чудо-машина, помогающая проникнуть в тайны мироздания, с тайнами ясновидения? Что имел в виду профессор?

В Западной Европе есть некий ясновидец, который состоит даже на службе в полиции. Я сам видел документы и кинокадры его деятельности. К нему обращаются всякий раз, когда нужно найти исчезнувшего человека. И он, якобы видя погибшего, безошибочно описывает окружающую обстановку и в конце концов приводит сыщиков к его телу, где бы оно ни находилось: на земле, в земле или под водой. Чепуха какая-то, сказал бы Станислав Лем, да и Герберт Уэллс не поверил бы. Одно дело литературный прием (здесь все дозволено!), другое — реальное представление о соседствующих с нами антимирах, куда, как в окошко, заглядывают наделенные противоестественными способностями медиумы. На Западе шарлатаны от ясновидения создали нечто вроде "индустрии предсказаний", извлекая из нее немалые барыши. И есть "прославленные дамы", с которыми советуются о грядущем видные политики, старающиеся не попасть впросак. Мне привелось, как и многим телезрителям, видеть фильм кинематографистов ГДР, заснявших одну такую западногерманскую гадальницу. Она выглядела довольно вульгарно и уж во всяком случае менее романтично, чем любая цыганка из табора.

И все-таки... — размышлял я, глядя на огромный зал камеры "Светлана", где мерно, громко и загадочно вздыхала от внутренних взрывов какая-то огромная труба, отсчитывая контакты с микромиром. — Неужели можно представить себе наш мир единым, но слоистым?.. Все в нем происходит с неумолимой последовательностью и даже одновременно для всех его слоев (я сам обрадовался этой спасительной мысли), однако если "протыкать колоду карт" иглой под неким углом, то отверстия окажут-

ся в разных местах воображаемой карты, соответствуя прошлому или будущему - под каким углом поставить иглу сигнала!

Только мысленно следя за ходом этих размышлений, можно было понять мой неожиданный вопрос бородатому физику, объяснявшему нам с профессором Поддьяковым суть открытого здесь "Серпуховского эффекта" - элементарные частицы, оказывается, могут проникать одна сквозь другую.

И я спросил, думая о своем:

— А миры и антимир, смещенные во времени, не могут проникать один через другой, подобно элементарным частицам?

Профессор Поддьяков один понял меня, а бородатый физик удивился и хмуро заметил, что "Серпуховский эффект" не подтвердился экспериментально.

Михаил Михайлович заговорщицки подмигнул мне. Серпуховский эффект не подтвердился, элементарные частицы не проникают одна сквозь другую. А миры и антимир? А что видят ясновидящие?

Возможна ли шахматная партия с Полом Морфи? У прославленного гроссмейстера, к которому я обратился с фантастическим предложением, было богатое воображение.

— Не берусь спорить, возможно ли сыграть с Полом Морфи, но я с удовольствием сыграл бы, — сказал он.

Теперь дело было за мной и профессором Поддьяковым, находившемся в заграничной командировке. Я дал в адрес конгресса, в котором он участвовал, телеграмму:

"ДОСТОЙНЫЙ ПАРТНЕР НАЙДЕН".

И получил ответ:

"СОСТЯЗАНИЕ СОСТОИТСЯ".

Признаться, я был взволнован. До конца я никак не мог поверить в телепатию и ясновидение. Но даже такой ученый, как Циолковский, утверждал, что нет в мире семьи, которая не могла бы припомнить хоть одного случая, объяснимого лишь признанием телепатии, этого загадочного общения людей на расстоянии.

Чем черт не шутит! Может быть, и в самом деле мир - исполинская колода карт, некое "слоистое образование" из трехмерных, движущихся во времени пространств. И в этом "слоистом пироге", или "Книге Вселенной", нужно лишь под определенным углом направить луч сигнала, чтобы он "проткнул" нужный нам листок в прошлом или будущем...

И шахматам в этом историческом открытии будет принадлежать особая роль! С помощью ясновидящих? Пусть даже и с помощью перцепиентов, индукторов, медиумов, этих живых физических аппаратов, способных посылать и принимать сигналы. Пока мы еще не можем их смоделировать, но использовать вправе! Пользовалось же человечество электричеством, сто лет не зная толком, с чем имеет дело!

Предстояло найти ясновидящего. Может быть, на Западе это было легче. Пришлось обратиться к нашим энтузиастам телепатии.

Мне помогла страстная единомышленница парапсихологов, супруга уважаемого, недавно скончавшегося академика, полная и эффектная Дина Марковна. Она познакомила меня с весьма нервной дамой, остро переживающей недавний разрыв с мужем, которого она, по собственному убеждению, направляла в жизни и вывела в люди. Проходя болезненный для женщин возрастной период, она стала нелюдимою, подозревая всех, даже детей и мать, в недобром к себе отношении. Склонная к истерическому состоянию, она порой впадала в некий транс, и тогда в ней пробуждалось "ясновидение". К сожалению, она совершенно не знала шахмат. Это меня не остановило. Неуравновешенной даме предстояло сделать попытку связаться с ясновидящим, современником Пола Морфи, жившим за океаном, что, впрочем, для ясновидящих значения не имело. Что там какие-нибудь десять тысяч километров расстояния, когда речь идет более чем о ста годах!..

Ясновидящий прошлого должен был уговорить Морфи сыграть шахматную партию с далеким его шахматным потомком.

Профессор Поддьяков запросил меня по телефону о найденной ясновидящей даме и почему-то остался очень доволен всем, что я о ней рассказал.

Через день он телеграфировал, что партию можно начинать.

Партия игралась в Центральном Доме литераторов, в комнате правления. Она имела два входа: со стороны коридора второго этажа и с главной лестницы, ведущей в Большой зал, где начиналась демонстрация кинокартины "Солярис" по роману Станислава Лема (знаменательное совпадение!). Несколько ступенек надо было преодолеть уже в самой комнате. Они были отгорожены барьером. В углу стоял стол директора ЦДЛ с телефонами, напротив, примыкая к перилам барьера, - большой стол для членов правления, покрытый зеленым сукном. За ним мы не раз принимали именитых гостей. Помню, тут беседовали приезжавшие к нам Нильс Бор, Лео Сциллард, академик Несмеянов... Много раз сиживали за ним прославленные космонавты.

Сейчас спиной к телевизору одиноко пристроился за шахматной доской наш любимый гроссмейстер.

С лестницы доносились голоса заполняющей кинозал публики, которой предстояло увидеть на экране фантастическую ситуацию на другой планете с океаном-мозгом, а в скромной комнате правления ничто не выдавало готовящегося здесь события, по значению своему не меньшего, чем общение с океаном-мозгом Соляриса.

Впрочем, мы, участники события, говорили вполголоса, двигались неслышными шагами, выражение лиц старались сделать торжественными. Все-таки "МАТЧ АНТИМИРОВ"! Общение с прошлым! Я пытался представить себе легендарного Пола Морфи в его родовой гасиенде, негра-невольника, входившего на цыпочках в его кабинет, где уже расставлены на старинном столике с инкрустациями шахматные фигуры. Может быть, негр поправляет дрова в камине? Впрочем, в Нью-Орлеане жарко...

Мне было определенно жарко, хотя на улице стояла дождливая осень.

Ясновидящая дама на время сеанса потребовала себе полного уединения. Она лучше всего впадала в состояние ясновидения, когда поблизости никого не было. Она уже призналась, что установила общение с неким клерком Нью-Орлеанского банка, который хорошо знает и уважает семью Морфи, даже помнит отца Пола, строгого судью.

Ясновидящая, безусловно, не знала подробностей биографии Пола Морфи! Я начинал доверять ей. Но как же она будет передавать ходы, не зная шахматной нотации?

— Я воспринимаю только образы, — пояснила ясновидящая. — Я вижу доску и стоящие на ней фигуры. По телефону я сообщу, какая из них передвинется.

Для связи с нашей ясновидящей отвели кабинет заместителя директора, сообщающийся с комнатой правления через помещение секретаря. У телефона дежурила Дина Марковна, которая буквально священнодействовала. По указанию ясновидящей она прижимала к уху телефонную трубку, переставляла фигуры на доске, а энтузиасты эксперимента - член правления дома, главный редактор известного молодежного журнала и два писателя-шахматиста, драматург и прозаик, оба отчаянные скептики и снобы, сообщали гроссмейстеру на шахматном языке ход Морфи.

Никто из моих помощников в эксперимент не верил. Все ждали повода для того, чтобы посмеяться.

Михаил Михайлович Поддьяков по-прежнему находился за океаном.

Что касается гроссмейстера, то он, подозревая подвох, все же был прост и спокоен, впрочем, всегда готовый обратить происходящее в шутку.

Но никаких шуток не было.

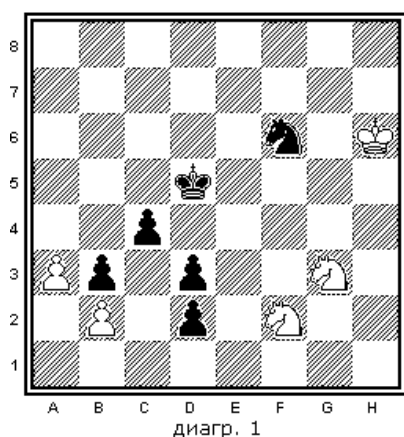
Партия советского гроссмейстера с Полом Морфи, умершим сто лет назад, состоялась!

Представьте, Пол Морфи через банковского клерка предложил своему партнеру (это нашему-то гроссмейстеру!) фигуру вперед. Получив отказ, он извинился и, как истый джентльмен, пожелал играть черными.

Я не буду приводить всей партии, чтобы не заставлять скептиков сличать ее со всем известным из наследия Морфи. Могу сказать, что игрался один из малоизвестных в девятнадцатом веке закрытых дебютов, который современной теорией разработан достаточно полно. Вероятно, Пол Морфи не раз удивлялся своеобразным ходам своего партнера, избравшего неведомые для времен Морфи пути развития.

Однако Морфи остался самим собой, гениальным шахматистом атакующего стиля. Положение обострилось, и черные, отдав коня за две пешки, получили грозную черную лавину. Белый король застрял далеко от своей "столицы", куда рвались черные пехотинцы, непременно желавшие стать генералами.

Позиция эта интересна тем, что нашему гроссмейстеру удалось блеснуть своим комбинационным талантом, чтобы противопоставить

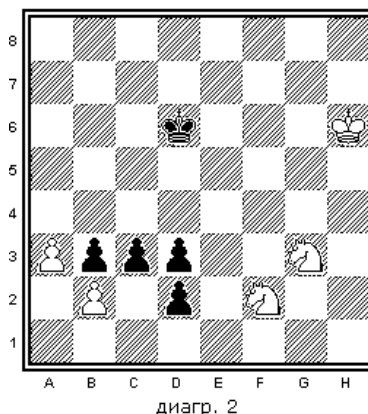


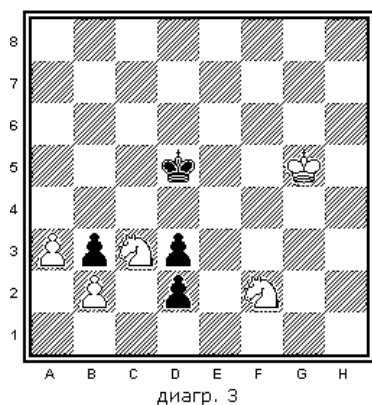
наступавшему Морфи необыкновенную ничью! Такой ничьей не знали в девятнадцатом веке! Позиционная ничья рождена современностью!

Предоставим же слово самим шахматным фигурам... (диагр. 1)

1. Kd1! Белые предвидят приготовленную Морфи жертву коня на g4 и в то же время предотвращают ход c4-c3.

1... Kg4+ 2. Kpg5 Kf2! Морфи все-таки жертвует коня, рассчитывая на неотвратимый прорыв пешки c3! Прорыв действительно неотвратим, но... белые противопоставляют плану черных тонкий замысел. Они принимают жертву. Легко видеть, что отказ от нее ведет к проигрышу, например: 3. Kc3+ Kpe6 4. Kf1 d1=Ф, и черные легко выигрывают. Кстати, белые не могли на первом ходу сыграть 1. Kf1, черные ответили бы 1... Kg4+ 2. K : g4, и теперь 2... d1=K! Избегая вилки и атакая на беспомощную белую пешку b2, черные легко выигрывают окончание. Итак, на третьем ходу белые принимают жертву коня. **1... Kg4+ 2. Kpg5 Kf2! 3. K : f2 c3** (диагр. 2). Теперь пешку не остановить.

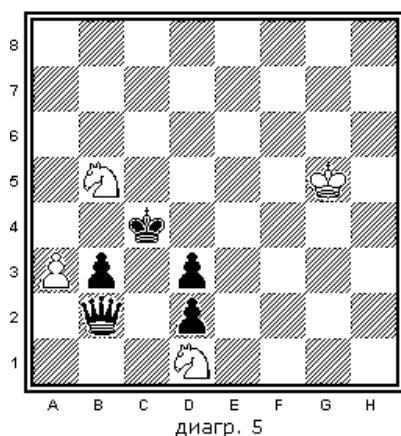
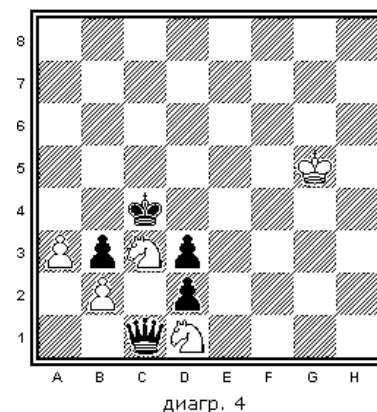




Но и не надо! **4. Kge4 c2 5 (диагр. 3). Kc3+ Kpc4 6. Kfd1 c1=Q** (диагр. 4) — вот оно желанное материальное преимущество - ферзь с пешкой, тоже готовой стать ферзем, против двух коней! Однако кони могут тревожить черного короля: 7. Ke3+ Kpd4 8. Ked1. надо вернуться, чтобы захлопнуть клетку, в которой оказался вновь рожденный ферзь.

Ясновидящая дама передала Дине Марковне по телефону, что Морфи пожал руку невидимому противнику в знак признания ничьей.

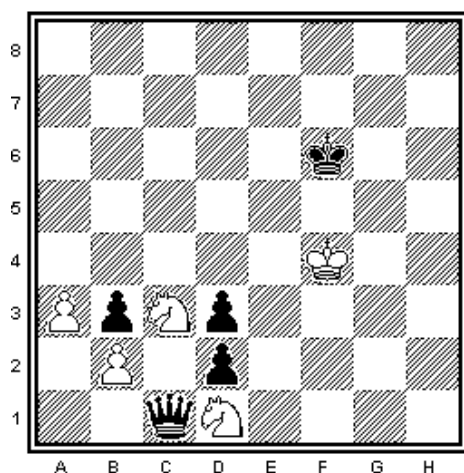
Я победоносно посмотрел на своих друзей-шахматистов, на прозаика и драматурга. Ну что?



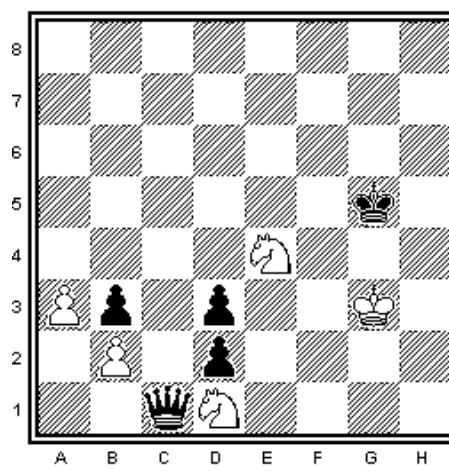
Кстати, клетка, в которой мечется ферзь, довольно просторная - он безопасно может располагаться на четырех полях c1, c2 и a1, a2. Н не стоит ли черным пожертвовать своего незадачливого ферзя? Скажем, 8... Ф : b2, и теперь если белые возьмут ферзя конем — 9. К : b2, то 9... Кр : c3 с выигрышем. Но у белых есть лукавый промежуточный шах. 9. Kb5+ Kpc4 (диагр. 5) и после 10. К : b2+ уже черным надо думать о ничьей.

И все же психологически очень трудно примириться с бесполезностью такого материального преимущества, как ферзь, имеющий по крайней мере четыре поля для маневра. Ведь с его помощью черный король в дуэли с белым всегда будет иметь запасный темп для оттеснения. Королю черных достаточно достигнуть полей f4 или f3. Тогда можно отдавать ферзя на d1 и прорываться королем на e2 с выигрышем. Неужели черным не выполнить такого плана? Пусть на пятом ходу же после шаха конем с c3 (диагр. 3) король пойдет иначе: 5... Кре6 6. Kfd1 Кре5 7. Kpg4 Kpf6 8. Kpf4 c1=Q! (диагр. 6) 9. Kpg4 Kpg6 10. Kpf4 Kph5! 11. Kpg3 Kpg5. Король

оттеснен, желанное поле f4 близко! 12. Ke4+ (диагр. 7) Kpf5 13. Kс3 Фa1 14. Ke3+ Kpg5 15. Ked1 Kph5 16. Kph3 Kpg5 17. Kpg3 Фc1 18. Ke4+. Ничья!



диагр. 6



диагр. 7

Мы еще долго сидели в ЦДЛ, анализируя фантастическую партию из матча антимиров. В анализе деятельное участие принимал и главный редактор молодежного журнала. Он был человеком увлекающимся. С высоты своего огромного роста он с присущей ему неумной энергией набросился на меня с требованием написать популярную статью о проведенном "эксперименте". Он любил "научные сенсации", а меня считал мастером по таким делам.

И на этот раз я, может быть, рискнул бы на выступление в печати, если бы не то, что последовало за памятным вечером. Посмотрев на экране вымышленную ситуацию на вымышленной планете, кинозрители расходились, не подозревая, что рядом за дверью произошло поистине фантастическое событие, но дальнейшее было еще фантастичнее...

Михаил Михайлович вызвал меня телеграммой в аэропорт, куда прилетал из командировки. Мы были с ним в очень хороших отношениях, но встречать его на вокзале мне пока не приходилось. Я понял, что у него были на то веские основания.

Самолет "Панамерикэн" шел на посадку.

Мне удалось прорваться на летное поле вместе с почитателями наших спортсменов, удачно выступивших за рубежом.

Дальше все было как в одном из популярных фильмов. По трапу вереницей спускались молодые, дышащие здоровьем парни, на лету подхватывая брошенные им букеты цветов.

Михаил Михайлович, подлинный герой фантастической эпопеи, сошел никем не замеченный, одним из последних. Мы обменялись с ним рукопожатиями.

— Но какова позиционная ничья? — сразу начал Поддьяков. — Два коня против ферзя с пешкой! Каково!

Я недоуменно уставился на него. Откуда он знает? Я не сообщал ему текста сыгранной с Морфи партии.

— Гроссмейстер, — профессор назвал одно из самых громких шахматных имен, — в восторге от выдумки своего противника. Она поистине достойна Морфи.

— Как так Морфи? — запротестовал я. — Морфи играл черными, а позиционную ничью сделали белые.

Михаил Иванович улыбнулся.

— Это у вас тут Морфи играл черными, а там, за океаном, Морфи играл БЕЛЫМИ. Черными согласился играть первый гроссмейстер Запада.

— Он поверил в ясновидение?

— Там многие этому верят. А вот как у вас тут поверили? — И он с улыбкой развел руками.

Я чувствовал себя уничтоженным:

— Значит, гроссмейстеры играли не с Морфи, а между собой? — упавшим голосом спросил я.

— Конечно. Иначе партии бы не было! Ведь мы же договорились сделать вклад в шахматную науку.

— Как же передавались ходы? А клерк из Нью-Орлеана?

— Банковский служащий нам много помог. Вы, конечно, помните о знаменитых опытах с подводными лодками? На борту их находилось перципиенты, угадывавшие карты, которые предъявляли им на берегу "индукторы", находящиеся за тысячами километров.

— Да, я слышал, но не придавал значения.

— И напрасно! Один из этих перцепиентов и был Нью-Орлеанским банковским служащим. Ему удалось установить контакт с вашей телепаткой. Оба думали, что они общаются с прошлым, и передают ходы великого Морфи. Хотя на деле связь с прошлым и не была установлена, все же результат эксперимента едва ли нужно считать отрицательным. Тем более что аналогичный эксперимент был проведен с одним из американских космонавтов, находившемся на Луне. Правда, есть сомнения в чистоте эксперимента...

— Но у нас? Есть же шахматная партия!

— Что бы ни случилось, она пусть украсит шахматные издания. Отчет же об эксперименте — соответствующее отделение Академии наук.

— Кесарево — кесарю, — уныло сказал я и решил не писать для молодежного журнала статьи о победе над временем.

Вместо нее я написал этот рассказ.